ПОМНИ, ЭТО БЫЛО ПРАВДОЙ

РОМАН

АЛЕКСЕЙ ВЕРН

18+

Алексей Верн

Помни это было правдой

«Автор»
2026

Верн А.

Помни это было правдой / А. Верн — «Автор», 2026

У Эмилии Ветровой есть красота, о которой мечтают, и память, которая ничего не теряет. В тот вечер, когда к ней в ресторане подсаживается незнакомец с улыбкой, от которой не хочется убегать, она ещё не знает, что запоминать придётся всё.Авария. Разбитый телефон. Номер, который не существует. Человек, которого не найти ни в одной поисковой строке. Через месяцы приглашение на вернисаж в Париже снова приводит её к Артуру, и три ночи в чужом городе кажутся сказкой. А потом он исчезает, оставив одну фразу: «Помни, что это было правдой».Эмилия идёт по следу, который никто не хочет ей показывать. Дом без жильцов. Женщины в зелёных шарфах, которые ходят за ней по городу то ли охраной, то ли конвоем. Мужчина в сером пальто с безупречными манерами и ледяными глазами.Кто такой Артур на самом деле? Кого он защищает, молча уходя из её жизни? И готова ли Эмилия узнать правду, если ради неё придётся рискнуть всем?

© Верн А., 2026
© Автор, 2026

Помни это было правдой

ГЛАВА 1
Лицо йогурта

Будильник зазвонил в пять сорок, и я высказала ему всё, что думаю, шёпотом, чтобы не разбудить Веру.

Вера всё равно проснулась. Она всегда просыпалась, когда я ругалась на будильник, потому что ей это нравилось больше любого радио.

— Лицо йогурта, — прохрипела она из-за стены голосом диктора. — Сегодня в эфире пять улыбок и ни одной морщины.

— Спи.

— Не могу. Ты так вкусно ругаешься.

Мы снимали на двоих однокомнатную квартиру с кухней размером со шкаф и балконом, на который не выйти из-за велосипеда соседей. Вера работала в ателье по ремонту одежды, подшивала чужие брюки и по вечерам училась на заочном. Она умела всё: пришить пуговицу, стянуть разорванный рукав, подбодрить так, что хотелось одновременно смеяться и плакать. А ещё она умела вовремя замолчать, и за это я готова была носить за неё воду до конца жизни.

Прежде чем идти на кухню, я заглянула в ванную и включила свет. Зеркало над раковиной было старым, с тёмными пятнами по краям, и в нём, как на плохо проявленной фотографии, смотрела на меня заспанная девушка.

Не такая уж заспанная, если быть честной. Моё лицо умеет сопротивляться утрам: высокие скулы, чуть удлинённые тёмно-карие глаза с густыми ресницами, прямой нос, полные губы, будто я собираюсь что-то сказать и всё время раздумываю. Тяжёлые каштановые волосы с медным отливом, который на свету вспыхивал, как угли, свободно падали на плечи. Смуглая от природы кожа без единого изъяна. Родинка у правой ключицы. Сто семьдесят шесть сантиметров роста, тонкие запястья, длинная шея: тело, которое на любом кастинге сначала замечали, а потом уже слушали.

Красивой меня называли с тринадцати лет. Не хорошенькой, не миловидной, а именно красивой, той красотой, от которой мужчины замолкают на полуслове, а женщины оценивающе прищуриваются. Раньше я считала это случайностью, вроде цвета глаз. Подарком, о котором не просила. Потом я встала за стойку вокзального кофе и поняла, что красота работает ровно до тех пор, пока человек не откроет рот. Дальше всё решает то, что за лицом.

— Лицо йогурта, — сказала я своему отражению и показала ему язык.

На кухне пахло вчерашним чаем. Я включила свет, достала из холодильника овсянку, которую мама сделала мне три дня назад «на чёрный день», и поняла, что чёрный день наступил ровно сегодня.

Телефон зазвонил в шесть десять.

— Ты поела? — спросила мама вместо приветствия.

— Мам, шесть утра.

— Вот именно. Овсянка. — В трубке зашуршало: она, конечно, уже стояла у окна и перебирала горшки. — Фиалка зацвела. Представляешь? Первый раз за три года. Я ей говорю: ну наконец-то, а она молчит и цветёт.

— Это знак, — сказала я.

— Это полив, — строго ответила мама. — Но знак тоже хорошо.

Я не заметила, как расслабились плечи. У мамы всегда так: сначала поругает, потом согреет, и не поймёшь, на каком слове кончился один и начался другой.

— Эмилия, — сказала она тише. — Ты помнишь, что раньше знала наизусть все наши номера? Мой, бабушкин, даже Верин, хотя вы тогда ещё не дружили?

— Помню.

— А теперь телефон помнит за тебя.

— Телефон надёжнее.

— Телефон теряется, — сказала мама. — А голова нет. Ешь кашу.

Она повесила трубку. Я долго смотрела на экран, где светилось её имя, и чувствовала странную обиду на себя. Она была права. В школе я могла повторить любой номер, услышанный один раз, выучить за ночь целую страницу стихов, вспомнить, во что был одет человек, с которым случайно столкнулась на лестнице три месяца назад. Все называли это «способностью». Я называла это «ничего особенного». А потом появились телефоны, и я потихоньку отучилась запоминать. Зачем, когда всё лежит в контактах?

Один раз потеряется, подумала я, *и узнаешь, зачем.*

Тогда я ещё не знала, насколько буду права.

* * *

Полгода назад я продавала кофе на вокзале. Стояла за стойкой в бумажной шапочке, наливала латте людям, которые никогда не смотрели мне в лицо, и считала минуты до конца смены. Потом пришла женщина в кожаной куртке, заказала американо и долго молча разглядывала меня поверх стаканчика.

— Девушка, — сказала она наконец, — у вас лицо, которое запоминается.

— Спасибо, — ответила я. — С вас сто двадцать рублей.

Она рассмеялась, оставила визитку и триста рублей. Через неделю я пришла на пробы. Через месяц бросила вокзал. Через три месяца поняла, что такое долг за портфолио.

В двадцать шесть лет начинать карьеру модели поздновато, и об этом не уставали напоминать все, кроме Алины.

Алина, моя агент, звонила мне теперь каждый день. Ей было тридцать пять. Она носила одну и ту же кожаную куртку и умела так произнести «не подведи», что хотелось построить для неё дом.

— Эмилия, ты в метро? — Голос у неё был бодрый, как у человека, который уже выпил три кофе. — Слушай внимательно. Сегодня съёмка для йогурта. Режиссёр капризный, называет всех «солнышко», и ты тоже будешь «солнышко». Улыбайся. Не спорь. Если всё пройдёт хорошо, закроем твой долг и сможем говорить о нормальных контрактах.

— Хорошо.

— Повтори.

— Йогурт. Студия на «Заводской». Девять ноль-ноль. Режиссёр Смирнов, стилист Лена, оператор Ян. Солнышко не спорит.

Алина помолчала.

— Ты даже улицу запомнила, — сказала она с удивлением. — Я тебе её ещё не называла.

— Вы вчера написали в сообщении.

— Вчера. В сообщении. — Она хмыкнула. — Хорошая голова, солнышко. Только не потеряй её сегодня.

Я вышла из метро, и меня окутал серый осенний воздух. Я шла по улице и по привычке, смешной, никому не нужной, перебирала в уме всё, что видела: номер маршрутки, красный зонт у остановки, табличку на стеклянной двери. Это не было работой. Это жило во мне, как жила привычка здороваться с каждым соседом.

Я никогда ничего не записывала. Зачем, когда есть голова?

* * *

Студия оказалась огромным светлым ангаром с белыми стенами и двумя кухнями, одной настоящей и одной декоративной. На столе у окна стояла банка йогурта, к которой, как выяснилось, нельзя прикасаться.

— Не пробуйте, — предупредила стилист Лена, поправляя мне воротник. — Это не йогурт. Это взбитый крахмал с красителем. Настоящий под лампами за десять минут превращается в воду.

— То есть я буду улыбаться тому, чего не существует?

— Ты будешь улыбаться, точно это лучшее, что ты пробовала в жизни. В этом и состоит профессия.

Лена говорила без насмешки, и в этой деловитости было что-то странно утешительное. Она одёрнула мой воротник, смахнула со лба невидимую пылинку и добавила потише:

— Если руки трясутся, держи ложку покрепче. Камера не снимает рук. Она снимает глаза.

— У меня не трясутся.

— Конечно, нет. — Лена хмыкнула. — Первый месяц ни у кого не трясутся.

— Тебе, между прочим, и гримировать-то особо нечего, — добавила она, критически разглядывая моё лицо. — Красота, конечно, не профессия. Но двери открывает.

Меня усадили на высокий табурет перед белой стеной, подвинули свет, поправили волосы. Оператор Ян ходил вокруг, щёлкал замерами и бормотал что-то по-английски. Через стеклянную стену я видела режиссёра: маленького полного человека в мятой рубашке, который кричал в телефон так, будто тот ему задолжал.

Потом телефон полетел на диван, режиссёр обернулся и расплылся в улыбке.

— А вот и наше солнышко! — воскликнул он. — Эмилия, правильно? Прекрасно. Просто прекрасно. Слушай, сегодня нужно, чтобы ты влюбилась в этот йогурт. Понимаешь? Не просто попробовала. Влюбилась.

— Понимаю, — сказала я.

Я не понимала. Но изобразила лицо, с каким принимают ключи от нового дома.

Меня учили, что в этой профессии нужно уметь исчезать. Быть чистым листом, на котором стилист нарисует то, что нужно рекламодателю. Сегодня я была листом под названием «Радость от йогурта». Вчера «Тёплая зима». Завтра, наверное, «Уверенная в себе женщина». Где-то за всеми этими ролями осталась настоящая Эмилия, но я давно не заглядывала в ту комнату.

— Дубль первый, — объявил кто-то у камеры. — Тишина на площадке.

Свет ударил в лицо. Мир сжался до белого круга, в центре которого сидела я, с ложкой, на которой дрожала розовая пена. Где-то за границей света шептались, скрипели стулья, кашлял оператор.

Мне стало смешно и страшно одновременно. Я подумала о вокзале, о бумажной шапочке, о маме у окна с фиалкой, о Вере с иголкой в зубах. Я подумала: *вот оно. Вот так и выглядит жизнь, которую я выбрала.*

И не знала, что через четыре часа в ресторане за углом от этой студии в мою жизнь войдёт человек, который перевернёт её целиком.

— Мотор, — сказал режиссёр.

ГЛАВА 2

Ресторан у студии

Съёмка затянулась на четыре часа. Четыре часа я улыбалась йогурту, который даже не пробовала, и к концу лицо жило отдельной жизнью. «Спасибо всем!» — наконец крикнул режиссёр, и вместо радости я почувствовала только пустоту и дикий голод.

Ресторан я выбрала первый попавшийся, за углом от студии. Тихий зал, приглушённый свет, столик у окна. Я заказала пасту и бокал вина, достала телефон и поймала себя на том, что смотрю в экран и не читаю ни строчки. Внутри было странное чувство: смесь усталости и гордости. Полгода назад я бы не поверила, что меня будут снимать. Сейчас я до сих пор не верила, что это всерьёз.

Эмилия Ветрова, лицо йогурта, подумала я и фыркнула. *Мама бы оценила.*

— Здесь не занято?

Я подняла глаза и забыла, что собиралась ответить.

Он был такой высокий, что рядом с ним столик казался игрушечным. Тёмные волосы, чуть растрёпанные, словно он только что вошёл с ветра. Светлые глаза, внимательные и слишком спокойные для человека, который собирается подсесть к незнакомке. Тёмная рубашка, расстёгнутая на одну пуговицу больше, чем нужно. И улыбка, в которой не было ни капли неуверенности.

Спокойно, приказала я себе. *Ты сегодня четыре часа проработала рядом с красивыми мужчинами. Тебя этим не удивить.*

Сердце, конечно, не послушалось.

— Свободных столиков полно, — сказала я и кивнула на пустой зал.

— Знаю. — Он не обиделся и даже не смутился. — Но мне не нужен столик. Мне нужно, чтобы ты не допила вино и не ушла раньше, чем я наберусь смелости подойти.

— То есть ты стоял и набирался смелости?

— Минут десять. Результат, как видишь, так себе.

Я не хотела улыбаться. Правда не хотела. Я опустила глаза в бокал, чтобы он ничего не заметил.

— Ты всегда так знакомишься?

— Никогда. — Он сказал это просто, без нажима, и именно поэтому я поверила. — Поэтому и получается ужасно.

— Ужасно, — согласилась я. — Но не безнадёжно.

Что ты творишь? — завопил внутренний голос. *Ты же собиралась его отшить!*

Но я уже отодвинула стул ногой, точно случайно.

— Садись. Только пасту я не делю.

— Договорились. — Он сел напротив, и стало вдруг не хватать воздуха. — Я Артур.

— Эмилия.

— Красивое имя. И дальше?

— А дальше ты, раз такой смелый.

Он рассмеялся, низко и тепло, и я почувствовала, как у меня горят уши.

— Северин. Артур Северин. А ты?

— Ветрова.

— Эмилия Ветрова, — повторил он медленно, будто пробовал на вкус. — Запомню.

От того, как он это произнёс, у меня по спине побежали мурашки. Я сделала глоток вина, лишь бы занять руки.

Мы проговорили почти два часа. Вернее, говорила в основном я: про съёмку, про смешного режиссёра, который называл всех «солнышко», про то, как страшно начинать с нуля, когда все вокруг уже знают, что делают.

— А ты? — вдруг спросил он. — Ты сама веришь, что у тебя получится?

Я растерялась. Меня давно никто не спрашивал о таком всерьёз.

— Не знаю, — призналась я тише, чем собиралась. — Иногда кажется, что да. А иногда я стою перед камерой и думаю: сейчас все поймут, что я здесь случайно.

— Ты не случайно, — сказал он. — Я наблюдал за тобой десять минут. Ты даже ложку держишь так, словно тебя снимают.

— Это комплимент?

— Это факт. А комплимент вот: когда ты не знаешь, что на тебя смотрят, ты красивее всего.

Я замолчала. Внутри всё тряслось, а лицо, спасибо четырём часам тренировки, держалось.

— А чем занимаешься ты? — спросила я, чтобы спастись.

— Всяким разным. — Он пожал плечами. — Это скучно. Расскажи лучше ещё про йогурт.

Я засмеялась и только потом поняла: он снова ушёл от ответа. Но как-то так мягко, что обижаться не получалось.

Когда за окном стемнело, он протянул руку:

— Дай телефон.

— Это ещё зачем?

— Запишу номер. Если захочешь, позвонишь. Если нет, я пойму.

Не давай, сказал здравый смысл.

Я отдала.

Он быстро набрал что-то, вернул телефон, и его пальцы на секунду задержались на моих. Тёплые. Я забыла, как дышать.

— До встречи, Эмилия, — сказал он и ушёл, ни разу не оглянувшись.

Я осталась сидеть с остывшим бокалом и бешено стучащим сердцем. В такси я открыла контакты. Одно имя, одна цифра за другой. Ни фото, ни фамилии.

Я вбила в поисковик «Артур Северин». Потом ещё раз, по-другому. Потом ещё.

Ничего. Точно его не существует.

Дура, подумала я. *Ты же ничего о нём не знаешь.*

Но пальцы уже набирали сообщение.

ГЛАВА 3

Недописанное сообщение

Я успела напечатать только «Привет, это Эмилия…» и подумать, что звучит слишком официально. Стёрла. Написала заново: «Привет. Это та, которая не делит пасту». В груди потеплело. Палец завис над кнопкой.

Удар пришёл сбоку, без предупреждения. Визг тормозов, хруст металла, и меня швырнуло в сторону так, что мир на секунду стал стеклом и светом. Последнее, что я увидела, был мой телефон. Он летел через салон, и на экране всё ещё светилось недописанное сообщение.

Потом стало темно.

* * *

Белый потолок. Запах лекарств. Где-то монотонно пищал аппарат.

— Не вставайте, — сказала женщина в голубой форме и мягко придержала меня за плечо. — Вы в больнице. Была авария, но всё хорошо. Лёгкое сотрясение, ушибы, пара дней под наблюдением, и домой.

— Телефон, — выдохнула я. Горло было сухим, как наждак. — Где мой телефон?

Она замялась и достала из тумбочки прозрачный пакет.

Экран превратился в паутину трещин. Корпус погнулся. Я нажала на кнопку. Ничего. Нажала ещё. Держала десять секунд, двадцать, будто он мог обидеться и передумать.

— Мне нужно его включить. Пожалуйста. Там всё.

— Я понимаю, но...

— Вы не понимаете! — Голос сорвался. — Там был номер. Один номер. Мне нужно позвонить.

— Кому? — спросила она. — Скажите номер, я наберу с поста.

Я открыла рот. И закрыла.

Я не знала его номера. Никогда не запоминала: зачем, когда он лежит в контактах, одним нажатием? В голове крутились какие-то цифры, но они были чужими, выдуманными, и я понимала это.

— Не знаю, — прошептала я.

Через два дня знакомый мастера из сервиса вынес вердикт, пожав плечами: плата сгорела, память не восстановить, «сочувствую, девушка».

Я кивнула, поблагодарила, вышла на улицу и дошла до ближайшей скамейки. И только там заплакала. Не от боли в рёбрах. От того, что внутри что-то оборвалось, тихо и окончательно.

Артур Северин, повторяла я про себя. *Артур Северин. Артур Северин.* Словно имя могло стать мостом. Но мост вёл в никуда: ни профиля, ни страницы, ни единого следа в интернете. Я проверила. Столько раз проверила.

Он сказал: «Если захочешь, позвонишь». А я не смогла, думала я. *Он решит, что я не захотела.*

И от этой мысли становилось хуже, чем от любого сотрясения.

* * *

Через три недели я снова стояла у того ресторана. Те же окна, тот же приглушённый свет. Я вошла так, точно шла на экзамен.

— Добрый вечер, вам столик?

— Нет. Я... ищу человека. — Я заставила себя говорить спокойно. — Высокий, тёмные волосы, светлые глаза. Три недели назад он был здесь, сидел со мной за столиком у окна. Артур. Артур Северин. Может, он у вас бывает?

Администратор нахмурилась, перебирая что-то в памяти.

— Вас я помню, вы были с парнем. Но чтобы он приходил раньше... нет. И расплачивался, кажется, наличными, потому что в системе нет ни карты, ни бронирования. Простите.

— Совсем ничего?

— Совсем. Мне очень жаль.

Я поблагодарила её и вышла. На улице накрапывал дождь. Я стояла под ним и не прятала лицо.

Он пришёл ниоткуда, подумала я. *И ушёл в никуда. Может, его и не было?*

Но запах его одеколона всё ещё жил в моей памяти, и его смех, и то, как он повторил моё имя, будто пробовал на вкус. Такое не придумаешь.

Я приходила туда ещё четыре раза. Каждую пятницу, в то же время. Заказывала то же вино. Смотрела на дверь. Потом перестала.

* * *

Жизнь не ждала. Агентство звонило каждый день, съёмки шли одна за другой. Меня заметил один известный журнал, потом другой. Мама плакала в трубку от гордости. Я стояла перед камерой, и кадры получались всё лучше, потому что внутри теперь жила настоящая грусть, и она делала лицо глубже.

Я больше не искала его. Так я себе говорила. Но каждый раз, заметив в толпе высокого парня с тёмными волосами, я вздрагивала, оборачивалась и с опозданием понимала, что ошиблась.

Однажды вечером позвонила Алина, моя агент.

— Эмилия, срочно сядь. Тебя пригласили на выставку в Париже. Лично. Организаторы просили именно тебя.

— Меня? — Я растерянно рассмеялась. — Почему меня?

— Не знаю. Сказали только, что видели твои работы и хотят, чтобы ты была лицом вечера. — Она сделала паузу. — Эмилия, это огромный шанс.

Я смотрела в окно на огни города и чувствовала странное, необъяснимое покалывание в груди, словно кто-то издалека тихонько позвал меня по имени.

— Я согласна, — сказала я.

ГЛАВА 4

Вернисаж

Париж встретил меня дождём и запахом свежих круассанов. Если бы не волнение, я бы потеряла дар речи от красоты. Но волнения хватало с лихвой: вечером меня ждал вернисаж, огромная галерея с хрустальными люстрами и сотнями гостей, и все они собирались смотреть на меня.

Дыши, говорила я своему отражению в зеркале. *Ты Эмилия Ветрова. Ты справишься.*

Отражение выглядело убедительно: тёмно-синее платье в пол, волосы собраны, на губах лёгкая улыбка. Только пальцы дрожали.

Зал гудел. Вспышки, бокалы, шёпот на трёх языках. Я скользила между гостями, отвечала на вопросы, улыбалась, кивала, и всё это время кожей чувствовала чей-то взгляд. Не любопытный, не оценивающий. Тёплый. Знакомый.

Я обернулась.

Он стоял у колонны, в нескольких метрах от меня. Тёмный костюм, белая рубашка, никакого галстука. Растрёпанные волосы, светлые глаза, и эта улыбка, которую я видела в снах чаще, чем призналась бы кому-то.

Мир замолчал. Хрустальные люстры, музыка, голоса: всё исчезло. Остались только он и я.

— Артур? — Мой голос прозвучал так тихо, что я сама не расслышала.

Он подошёл. Медленно, словно боялся, что я растворюсь.

— Здравствуй, Эмилия.

Я не помню, как оказалась так близко. Не помню, что сделала сначала: засмеялась, заплакала или ударила его по плечу. Кажется, всё сразу.

— Ты! Ты где был?! Я искала тебя! Я ходила в тот ресторан, я спрашивала всех, я... — Я задохнулась и замолчала, потому что слёзы всё-таки пошли, и я поспешно смахнула их, чтобы не испортить макияж. — Прости. Я не хотела так.

— Не извиняйся. — Он осторожно взял мою руку, и от этого касания у меня по телу прошла дрожь. — Что случилось?

— Авария. Ничего страшного, но телефон разбился вдребезги. Все контакты пропали. Я даже номер твой не запомнила, представляешь, какая я дура?

— Ты не дура. — Что-то мелькнуло в его глазах и тут же исчезло. — Я так и подумал, что произошло что-то подобное.

— Правда? Почему?

— Потому что ты не из тех, кто не позвонил бы.

Я растерялась. Приятно, конечно. Но где-то в самой глубине шевельнулась мысль: *откуда он знал?* Я прогнала её. Не сейчас. Не в этот вечер.

— А ты что здесь делаешь? — спросила я. — Париж, вернисаж... Это ведь совсем не то место, где я ожидала тебя встретить.

— Приехал навестить друга. Давно не виделись, обещал заехать ещё прошлой весной.

— Друга?

— Старого. — Он улыбнулся уголком губ. — Он как раз вытащил меня сюда, сказал, будет интересно. И вот, оказался прав.

Это вовсе не было ответом. Я это понимала. Но он смотрел на меня так, что все вопросы, которые я мечтала ему задать, вдруг теряли вес. Он здесь. Он стоит передо мной. Остальное подождёт.

— Тогда, раз уж ты в Париже, — сказала я, набравшись храбрости, — может, сходим куда-нибудь? Я здесь никого не знаю, а ты...

— А я знаю пару мест, куда стоит сходить. — Он ответил так быстро, что я невольно рассмеялась. — Завтра в семь вечера, на мосту Искусств. Оттуда пойдём дальше. Подойдёт?

— Подойдёт.

— Тогда до завтра. Только не потеряй меня снова.

— Не потеряю. — Я достала телефон. Новый, купленный сразу после больницы, ещё пахнущий упаковкой. — Диктуй номер. Я запишу прямо сейчас, пока не передумала.

Он продиктовал. Я вбила цифры, перепроверила дважды и отправила ему сообщение, то самое, недописанное, которое так и застряло в моей голове:

«Привет. Это та, которая не делит пасту».

Его телефон завибрировал в кармане. Он достал его, прочитал, и улыбка, настоящая, широкая, открытая, преобразила его лицо.

— Я ждал этого сообщения, — сказал он.

— Так долго?

— Дольше, чем ты думаешь.

Кто-то позвал меня из глубины зала. Организаторы, фотографы, снова вспышки. Я обернулась на секунду, а когда посмотрела назад, у колонны уже никого не было.

Я оглядела зал. Нигде.

Он снова ушёл, не оглянувшись.

Но телефон в моей руке всё ещё хранил его номер. И на этот раз я знала: он не потеряется.

До конца вечера у меня болели щёки от улыбок, и я не заметила, как та самая маленькая мысль, *откуда он знал?*, тихонько поселилась в самом дальнем уголке сознания и затаилась до поры.

ГЛАВА 5

Утро после вернисажа

Утро в Париже началось с телефонного звонка, которого я не ждала, и сообщения, которого ждала сильнее всего на свете.

Звонок оказался от Камиль, помощницы организатора вернисажа: она хотела убедиться, что я добралась до отеля и ни в чём не нуждаюсь. Сообщения не было.

Я лежала в огромной кровати с белым бельём, смотрела в потолок и считала. Он ушёл с вернисажа ровно в двадцать три сорок две. Я отправила ему то самое недописанное сообщение в двадцать три сорок. Он прочёл. Улыбнулся. Сказал «я ждал». И растаял в толпе, словно не мог остаться ни на секунду дольше.

Вдруг мне приснилось, подумала я. *Вдруг я снова всё придумала.*

Я схватила телефон и прокрутила переписку. Номер был на месте. Моё сообщение стояло с двумя серыми галочками. Он действительно существовал.

Но на экране было пусто.

Тогда я сделала единственное, что умела: закрыла глаза и прокрутила вчерашний вечер, как плёнку. Хрустальные люстры. Запах лилий. Его ладонь, тёплая, чуть шершавая на кончиках пальцев. Часы над входом, показывавшие двадцать три сорок две, когда он растворился в толпе. Каждая деталь вставала на место, ясная, как на фотографии. Память не подвела: он был. Всё было.

Но память умеет только хранить. Ей нельзя приказать: пусть он напишет.

Я заставила себя встать, принять душ и спуститься на завтрак. В зале пахло кофе и свежей выпечкой, на белых скатертях лежали газеты. Я взяла круассан, чашку, села у окна и услышала над головой голос:

— Это ты, да? Лицо вчерашнего вечера?

Я подняла глаза. Передо мной стояла девушка лет двадцати четырёх, высокая, тонкая, с короткой стрижкой и огромными серыми глазами. Кроссовки, чёрные джинсы, какая-то нелепая жёлтая толстовка. Совсем не похожа на модель. Но я уже знала, что она модель, потому что ни одна другая женщина не умеет так стоять: слегка наклонив голову, точно всё вокруг по умолчанию принадлежит ей.

— Клэр, — представилась она по-английски. — Я тоже была вчера на вернисаже. В третьем ряду, в зелёном. Ты меня, конечно, не заметила.

— Простите. Я немного волновалась.

— Все волнуются. — Она без приглашения села напротив. — Знаешь, что смешно? Я пять лет работаю в этом городе. У меня агентство, портфолио, три обложки. А лицом вечера выбирают русскую девочку из ниоткуда.

У меня вспыхнули щёки.

— Я не просила...

— Я знаю, что не просила. — Клэр отломила кусочек моего круассана, понюхала и без смущения отправила в рот. — Хорошо, что без ванили, у меня на неё аллергия. Это трагедия всей моей жизни. Я не злюсь. Мне интересно. Мой агент говорит, что вечер оплатил частный фонд. Очень закрытый. Они не любят случайностей. И если они выбрали тебя, значит, это не случайность.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. — Она пожала плечами. — Будь осторожна. В моде редко что-то происходит за красивые глаза.

Она встала, на секунду задержалась и добавила тише, почти без интонации:

— И ещё. Тот мужчина вчера, высокий. Он смотрел на тебя так, как не смотрят на модель. Смотрят на человека. Это либо очень хорошо, либо очень плохо.

Клэр ушла, оставив мне недоеденный круассан и холодную тревогу под рёбрами.

В номере я набрала Веру. Она подняла трубку с третьего гудка, хриплая со сна, и сразу закричала:

— Ты живая? Мне всю ночь снились какие-то самолёты!

— Живая, Вер. Я в Париже.

— Я знаю, что ты в Париже, я сама тебя на самолёт сажала! — Она зевнула. — Ну? Тот парень был?

— Был.

— И?

— И сказал, что ждал моего сообщения.

Вера помолчала. Потом очень серьёзно произнесла:

— Спроси фамилию.

— Я знаю фамилию. Северин.

— Спроси настоящую, — отрезала она. — Мало ли. Ты же у меня доверчивая.

Я засмеялась и положила трубку. Но слова про «настоящую фамилию» застряли где-то между рёбрами, рядом с тем, что сказала Клэр.

* * *

Сообщение пришло в полдень, когда я уже перестала ждать.

«Не опаздывай. Хотя ты и не умеешь».

Я прижала телефон к груди и просидела так, наверное, целую минуту, глупо улыбаясь пустой чашке.

Остаток дня я убивала бесцельной прогулкой, которую в моём состоянии назвать прогулкой было бы слишком смело. Я просто шла. Мимо цветочных лавок, мимо витрин, мимо кафе с бесконечно круглыми столиками и людей, которые читали газеты так, будто у них никогда не кончится время.

На авеню Монтень я остановилась перед большой стеклянной витриной. За ней на манекенах висели платья: лёгкие, струящиеся, цвета тумана и дыма. Над дверью золотыми буквами было выведено что-то короткое и красивое. Я не стала вчитываться. Загляделась на одно из платьев, бледно-голубое, с вышитой тонкой серебряной нитью по подолу, и подумала: *вот бы надеть такое на мост.*

Из витрины на меня смотрело моё отражение: бледное, усталое, но с блеском в глазах, которого я не видела там много месяцев.

Я пошла дальше.

На набережной я остановилась у зелёной коробки букиниста. Старик в вязаной жилетке, с длинными седыми прядями, не отрываясь от газеты, протянул мне потрёпанный путеводитель.

— Pour la belle mademoiselle. Pont des Arts?

— Откуда вы знаете?

— У вас на лице написано, что вы идёте на мост. — Он улыбнулся и перешёл на английский. — Раньше туда вешали замки. Влюблённые клали ключ в реку. Теперь замки сняли, а ключи всё равно кидают. Люди не могут иначе.

— А это помогает?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Но те, кто бросает, обычно возвращаются.

Я купила книжку, сама не зная зачем. Весь день она лежала у меня в сумке, тяжёлая, пахнущая пылью, как талисман, про который не нужно знать, как он работает.

Потом было кафе у реки. Я села у окна, заказала лимонад, достала телефон и перечитала утреннее сообщение пять раз. Рядом, через два столика, сидел мужчина с газетой в сером пальто. Лица я не разглядела: шляпа и страницы закрывали его целиком. Мне показалось, что он слишком долго не переворачивает лист.

Я допила лимонад и вышла.

* * *

К шести вечера я стояла перед зеркалом в номере, выбирая платье. Одно, второе, третье. Всё казалось слишком праздничным или слишком будничным. Я долго смотрела на своё отражение и вдруг поймала себя на странной мысли.

Я не знала о нём почти ничего. Ни где он живёт. Ни чем занимается. Ни кто эти люди, у которых «друзья» и «поручения». Я знала только, что он смеётся низко и тепло, что у него светлые глаза, которые никогда не отводятся первыми, и что рядом с ним мне ни разу не захотелось быть кем-то другим.

Этого казалось мало. И этого казалось всё.

Я надела простое светлое платье, накинула плащ, достала из шкафа единственные туфли, в которых можно было пройти по мосту, и вышла из номера.

На лестнице я остановилась у зеркала в холле. На мгновение мне показалось, что за моей спиной, в глубине, у стойки портье, мелькнуло что-то серое.

Я обернулась. Там никого не было.

Показалось, подумала я.

Через сорок минут я уже шла к мосту, и сердце колотилось так, что я боялась опоздать.

ГЛАВА 6

Мост Искусств

Я пришла на мост без десяти семь и всё равно опоздала. Он уже стоял у перил, спиной ко мне, и смотрел на воду. Тёмное пальто, руки в карманах, ветер, играющий с волосами. Точно его нарисовали на этом месте задолго до того, как я здесь появилась.

— Ты рано, — сказал он, не оборачиваясь.

— Как ты понял, что это я?

— Ты так идёшь, что мост начинает тебя слушать.

Я рассмеялась и покраснела одновременно. *Остановись*, велела я себе. *Хотя бы для вида.* Но он обернулся, и всякая попытка сохранить лицо рассыпалась.

— Пойдём, — сказал он. — Я покажу тебе Париж, которого нет в путеводителях.

Дождь закончился, и город блестел, будто его только что вымыли и поставили сушиться. Мы шли вдоль Сены, мимо зелёных ящиков букинистов, мимо уличного скрипача, который играл что-то тягучее и печальное. Артур бросил ему монету. Скрипач поднял глаза, и мелодия на секунду сбилась, а потом заиграла снова, но уже другая, быстрая, почти танцевальная.

— Ты ему понравился, — заметила я.

— Все любят щедрых.

— Он смотрел так, словно знает тебя.

— Хороший глаз на людей. — Артур взял меня за руку. — Не споткнись. Здесь скользко.

Я не споткнулась. Я вообще перестала чувствовать землю.

Он свернул в узкий переулок, потом ещё в один, и мы оказались перед чёрной кованой калиткой, за которой угадывался внутренний дворик. У калитки стоял старик в тёмной куртке. Увидев нас, он молча кивнул и открыл замок.

— Bonsoir, monsieur Lenoir, — сказал он негромко.

Я не очень сильна во французском, но «месье» и фамилию расслышала. Только фамилия была не Северин.

— Ты не Северин? — шутливо спросила я, когда калитка закрылась за нами.

— Он плохо видит, — легко ответил Артур. — Путает меня с одним постоянным клиентом. Пойдём, тебе понравится.

И я пошла. Потому что в этом дворике, залитом тёплым светом гирлянд, под старым платаном, стоял одинокий столик, накрытый на двоих. Свечи, белая скатерть, тишина, от которой звенело в ушах.

— Ты это устроил? — выдохнула я.

— Немного помог. — Он отодвинул стул. — Присядь.

На столе появилась паста. Та самая, как в нашем первом ресторане. Я посмотрела на Артура, и он невинно пожал плечами.

— Ты сказала, что не делишь. Я не претендую.

Я смеялась так, что у меня выступили слёзы. Он сидел напротив и смотрел на меня так, как никто никогда не смотрел: не оценивая, не выбирая лучший ракурс, а просто запоминая. Точно боялся, что завтра не вспомнит.

Мы говорили обо всём подряд. Он расспрашивал меня про детство, про маму, про первую в жизни съёмку, а я рассказывала и удивлялась, что мне совсем не стыдно открываться. Потом я попыталась перевернуть разговор:

— А ты? Где вырос? Кто твои родители?

— Далеко отсюда. — Он повертел бокал в пальцах. — Расскажу как-нибудь. Не сегодня, ладно?

— Ладно.

И снова я согласилась слишком легко. Но странное дело: он и правда выглядел не так, будто скрывает что-то нехорошее. Скорее как человек, который очень давно ни с кем не делился.

Только одно меня царапнуло. Он сидел лицом к калитке, ни разу не повернувшись спиной. Даже когда я шутила, даже когда смеялась, его взгляд на долю секунды возвращался к воротам. И когда в кармане у него коротко завибрировал телефон, улыбка исчезла, всего на мгновение, как стирается надпись на запотевшем стекле. Он прочитал сообщение, убрал телефон и снова был прежним.

— Всё хорошо? — спросила я.

— Всё прекрасно. Друг напоминает про завтра.

Друг, к которому он приехал, мысленно кивнула я. *Конечно.*

Мы вернулись на набережную уже за полночь. Улицы опустели, и город принадлежал только нам. У самой воды Артур остановился.

— Смотри.

Далеко над крышами вспыхнула Эйфелева башня. Тысячи огоньков рассыпались по ней разом, переливаясь, как россыпь звёзд, упавших на землю. Я ахнула, как маленькая.

— Она делает так каждый час, — сказал он.

— Невероятно...

Я обернулась, чтобы сказать ему ещё что-нибудь восторженное, и замерла. Он не смотрел на башню. Он смотрел на меня. Огни играли в его светлых глазах, и в этом взгляде было столько нежности и столько тоски, что у меня перехватило дыхание.

— Что? — прошептала я.

— Ничего. — Он осторожно убрал прядь с моего лица. — Просто хочу запомнить, как ты выглядишь сейчас.

Он наклонился. Я закрыла глаза. Его губы коснулись моего виска, лёгкий, почти невесомый поцелуй, от которого у меня подкосились колени.

— Ты тоже запомни, — сказал он у самого моего уха. — На всякий случай.

На какой всякий случай? — хотела спросить я. Но не спросила.

Он проводил меня до отеля. У дверей я задержала его руку в своей и сказала:

— Спасибо. За всё.

— Это тебе спасибо, Эмилия.

Я вошла, поднялась на пару ступенек и обернулась. Он стоял на тротуаре, под фонарём, и смотрел мне вслед. А на другой стороне улицы, в тени арки, кто-то стоял неподвижно. Мужчина в сером пальто. Мне показалось, что он тоже смотрел на нас. А когда я моргнула, арка была пуста.

Показалось, решила я. *Усталость. Шампанское. Счастье.*

Я помахала Артуру и закрыла дверь. Но ещё долго не могла уснуть и лежала в темноте, прижимая к груди телефон, где теперь жил его номер.

ГЛАВА 7

Монмартр

Утром пришло сообщение: *«Доброе утро. Монмартр, одиннадцать. Надень удобную обувь».*

Я перечитала его раз пять, прижала телефон к груди и глупо улыбалась потолку. Вчерашний вечер казался сном, и этот короткий текст был единственным доказательством, что он случился на самом деле.

Он ждал меня у подножия холма с двумя стаканчиками кофе. Светлые глаза, взъерошенные ветром волосы, та же полуулыбка. Увидев меня, он протянул один стаканчик.

— Без сахара, с каплей корицы, — сказал он.

— Ты запомнил? — Я растрогалась. — Я же вчера даже не...

Я остановилась. Вчера я вообще не говорила, как пью кофе. Мы вообще не пили кофе. Мы пили вино.

— Угадал, — сказал Артур и тут же взял меня за руку. — Идём, пока не стало слишком людно.

Угадал, повторила я про себя. *Бывает.*

Мы поднимались по крутым улочкам, и Париж открывался нам кусочками: балкон с геранью, лавка с засахаренными фруктами, старик с аккордеоном. Артур шёл рядом, и мне казалось, что я могу идти так вечно.

На площади Тертр было шумно и пёстро. Десятки художников сидели за мольбертами, зазывая туристов. Один из них, пожилой, в берете, тут же подскочил к нам.

— Мадемуазель, месье! Портрет на память? Пять минут, и вы будете жить в этой картине всегда!

— Давай! — Я повернулась к Артуру, глаза горели. — Пожалуйста, давай! Это же так романтично!

— Нет.

Он сказал это резко, почти грубо. Художник опешил и попятился. Я растерянно замерла.

— Артур?

Он выдохнул, провёл рукой по волосам. Лицо смягчилось, но не сразу.

— Прости. Не хотел так. — Улыбка у него вышла натянутой. — Я не люблю, когда меня рисуют. Дурная примета.

— Ты суеверный?

— Немного.

Я достала телефон.

— Тогда хотя бы фото. Одно. Для меня.

Я подняла руку для селфи, прижалась к его плечу. Он тут же отвернулся, словно что-то заметил в толпе, и поцеловал меня в висок. Щёлк.

Я посмотрела на снимок: сияющая я и край его рукава.

— Ты неисправим, — рассмеялась я.

— Зато поцелуй вышел отличный.

Я рассмеялась, но где-то под рёбрами что-то кольнуло.

Мы бродили до самого вечера. Ели горячие блины с каштановым кремом, сидя на ступеньках. Он рассказывал мне смешные истории про парижских голубей, а я хохотала, пока не заболел живот. Я почти забыла про кофе, про отказ, про всё. Почти.

— Знаешь, — сказала я невзначай, — вчера у моего отеля стоял какой-то мужчина в сером пальто. Мне показалось, что он смотрел на нас.

Артур не изменился в лице. Только замолчал на долю секунды дольше, чем нужно.

— Париж полон людей в серых пальто, — сказал он весело. — Это их форма, наверное. Ты не волнуйся.

— Я и не волнуюсь.

— Вот и хорошо.

Я ему поверила. Или сделала вид.

* * *

Мы поднялись к Сакре-Кёр, когда солнце уже клонилось к закату. Весь город лежал внизу, золотой и дымчатый, и на ступенях белой базилики сидели десятки людей, но вокруг нас, казалось, образовалась тишина.

Я прислонилась к его плечу.

— Мне страшно, — призналась я.

— Чего?

— Что это закончится. Что я проснусь, и окажется, что я всё придумала. Мы знакомы всего пару дней, если не считать той нашей первой встречи, но у меня такое чувство, что я знаю тебя всю жизнь.

Он молчал так долго, что я уже испугалась.

— Эмилия.

— М?

— Посмотри на меня.

Я повернулась. Он смотрел серьёзно, без улыбки, и в его глазах стояло что-то такое, от чего у меня сжалось сердце.

— Я должен сказать тебе кое-что, и я не уверен, что имею на это право. — Он взял мои ладони в свои. — Я никогда никого не искал так долго, как тебя. И никогда так не боялся найти.

— Почему боялся?

— Потому что теперь мне есть что терять.

У меня на глазах выступили слёзы.

— Я влюбилась, — выдохнула я. — Кажется, окончательно и бесповоротно. Хотя ты почти ничего мне не рассказал. Ни где ты живёшь, ни чем занимаешься, ни откуда знаешь старика у калитки. И мне почему-то всё равно.

— Тебе не всё равно, — сказал он. — Ты слишком добрая, чтобы давить.

Это была правда. И от этого стало ещё больнее.

— Я тоже, — сказал он наконец. — Я тоже тебя люблю. И это самое трудное из всего, что со мной случалось.

Мир остановился. Я хотела расплакаться, засмеяться, потребовать объяснений, но вместо этого просто потянулась к нему. Он обнял меня так крепко, точно боялся, что я исчезну, и поцеловал. По-настоящему, не в висок, не в щёку. Закатное солнце плавилось на наших лицах, где-то внизу пел уличный музыкант, а я думала: *вот оно. Вот ради чего всё это.*

— Обещай мне кое-что, — прошептал он у самых моих губ.

— Что?

— Что бы ты ни узнала обо мне потом, помни: то, что было здесь, было правдой.

Я кивнула. Я бы кивнула на что угодно.

Только позже, ночью, лёжа в номере и глядя в потолок, я вдруг почувствовала холод в груди. *Что бы ты ни узнала обо мне потом.* Люди так не говорят, когда им нечего скрывать.

Я включила лампу, взяла телефон и открыла заметки. Палец завис над экраном. Потом я медленно, будто боясь спугнуть собственные мысли, начала печатать:

1. Старик у калитки назвал его Ленуаром.

2. Не даёт себя рисовать, прячется от камеры.

3. Знал, как я пью кофе, хотя я ему не говорила.

4. Мужчина в сером пальто.

5. Откуда он знал про аварию?

Я перечитала список и почувствовала, как внутри что-то похолодело.

Нет, подумала я. *Это совпадения.*

Но телефон я не выключила. И список не удалила.

ГЛАВА 8

Первая ссора

Мы поссорились на следующий день после Монмартра. Из-за пустяка, как казалось нам обоим первые десять минут.

Он ждал меня у канала Сен-Мартен, на деревянном мостике, под которым лениво ворочалась зелёная вода. Было прохладно, пахло мокрыми листьями и жареным кофе, где-то поблизости визжали дети, пускавшие по воде бумажные кораблики. Артур протянул мне стаканчик.

Я взяла. Заглянула внутрь. Корица.

— Расскажи мне про кофе, — сказала я.

Он поднял брови.

— Что именно?

— Как ты узнал, что я пью его без сахара и с корицей.

— Я же сказал. Угадал.

— Ты не угадал. — Я поставила стаканчик на перила. — Люди так не угадывают. Старик у калитки назвал тебя Ленуаром. Ты не даёшь себя рисовать. Ты знал, как я пью кофе. Человек в сером пальто, которого ты называешь «формой Парижа», стоял у моего отеля, а до этого сидел в кафе у реки с газетой, которую не читал.

Мы замолчали. Внизу проплыла лодка, и вода у борта качнулась, как стекло. Артур смотрел на меня, и я видела, что он понял: я не собираюсь отступать. И не стал защищаться.

— Эмилия, — сказал он. — Не надо.

— Чего не надо?

— Складывать меня из кусочков. Ты соберёшь не того человека.

— Тогда помоги мне собрать правильного.

Он отвернулся и долго смотрел на воду. Желваки на его скулах двигались, и мне вдруг стало очень ясно: он борется не со мной. С чем-то внутри себя.

— Есть вещи, которые я не могу тебе рассказать, — наконец произнёс он.

— Почему?

— Потому что они опасны.

— Для кого?

— Для тебя.

— Это не тебе решать.

— Мне. — Он повернул ко мне лицо, и оно впервые стало жёстким. — Потому что я могу тебя защитить, а ты нет.

Эта фраза упала на мост, как камень. Я ощутила, как внутри меня что-то закипает: не обида, а злость. Настоящая, густая, с красными пятнами перед глазами.

— Вот оно, — сказала я. — Вот этого я и боялась. Ты решаешь за меня. Что мне знать, чего не знать, что мне можно, чего нельзя. Ты уже решил, кем я должна быть. Хрупкой. Беспомощной. Девочкой из ресторана, которую нужно закутывать в пальто.

— Я не думаю, что ты беспомощная.

— Тогда докажи. Скажи правду.

— Не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— Это одно и то же.

— Нет, — сказала я. — Это совсем не одно и то же, и ты это знаешь.

Он ничего не ответил. Руки его сжались на перилах так, что побелели костяшки. Где-то далеко заплакал ребёнок, и кто-то звонко засмеялся.

— Я не умею любить человека, которого не вижу, — сказала я. Голос у меня дрожал, но я не остановилась. — Ты стоишь передо мной, но я смотрю сквозь тебя. Как через стекло. Я не могу. Мне нужно, чтобы ты был.

— Тогда не люби, — сказал он.

Слишком быстро. Слишком жёстко. Слова вылетели из него, как стрела с тетивы, и в ту же секунду я увидела его лицо. Он сам испугался сказанного. Но гордость, его проклятая, упрямая, спасительная и губительная гордость, не позволила взять слова обратно.

Я стояла, не дыша.

— Хорошо, — сказала я наконец. Ровно, спокойно. Так спокойно, что сама удивилась. — Хорошо.

Он шагнул ко мне. Я отступила.

— Эмилия...

— Не сейчас.

И я ушла. Не оглядываясь, мимо детей с корабликами, мимо лавок с цветами, мимо кафе, где за соседним столиком смеялась какая-то пара. Я ждала, что он догонит. Сто шагов. Двести. Триста.

Он не пошёл за мной.

Это оказалось хуже всего.

* * *

Я брела вдоль канала, не видя дороги. Шлюзы, переброшенные через воду железные мостики, облупленные фасады, велосипеды, прикованные к решёткам. Ноги сами вынесли меня к реке, потом к набережной, потом к зелёным коробкам букинистов, туда, где я не была с первого дня.

Старик в вязаной жилетке сидел на том же месте, под той же газетой. Увидев меня, он отложил очки.

— Мадемуазель, — сказал он по-английски. — Вы вернулись. Одна?

— Одна.

— А ваш друг?

— У нас... — Я запнулась. — Мы не очень хорошо поговорили.

— Ах. — Он пожевал губами. — Это бывает. Люди на мосту ссорятся чаще, чем целуются. Мост соединяет берега, но те, кто стоит на нём, всё равно умудряются остаться каждый на своём.

Я сухо усмехнулась.

— Вы всегда так утешаете?

— Нет, мадемуазель. Я говорю правду. Утешают другие. — Он помолчал и добавил тише: — Но скажу ещё одно. Я двадцать лет смотрю на этот мост. Те, кто уходит в гневе, редко уходят насовсем. А те, кто уходит молча, возвращаются.

— Мы не молчали.

— Он молчал, — сказал старик. — Я видел его вчера. Он стоял на этом месте и смотрел на воду так, как смотрят люди, которые что-то потеряли и пытаются вспомнить где.

Я не ответила. Только кивнула и пошла дальше, чувствуя спиной его внимательный взгляд.

Весь остаток дня я бродила по городу, как потерянная. Заходила в магазины и не покупала ничего. Сидела на скамейке в саду, пока не замёрзли руки. Вернулась в отель уже в сумерках, села на кровать и посмотрела на телефон.

Он молчал.

Я смотрела на экран долго, на чёрное стекло, в котором отражалась лампа и мои собственные глаза. Мне хотелось выбросить телефон в окно. Хотелось позвонить ему. Хотелось, чтобы он позвонил первым.

Я права, повторяла я про себя. *Я имею право знать. Я не обязана любить в темноте.*

Но правда была в том, что я не знала, права ли я. Или боюсь. Потому что за всеми моими вопросами стоял один, самый страшный: а что, если ответ мне не понравится?

Телефон молчал до самого вечера.

ГЛАВА 9

Мансарда

До моего отлёта оставалось два дня. Я старалась не думать об этом, но мысль сидела внутри, как заноза: тихо, почти не болит, пока не наступишь.

Он написал вечером: *«Ты когда-нибудь была на крыше Парижа?»*

Я ответила: *«Нет»*, хотя мы оба понимали, что отвечаю на другой вопрос.

Дождь начался, когда мы свернули в квартал Маре. Сначала редкие капли, потом ливень, и мы бежали по мостовой, хохоча, как школьники. Он вёл меня за руку через двор, потом вверх по узкой лестнице, пахнущей старым деревом и сыростью, до самой двери под крышей.

— Это квартира моего друга, — сказал он, отпирая замок.

— Того самого, которого ты давно не видел?

— Того самого.

Мы вошли. Скошенный потолок, мансардное окно, по стеклу которого барабанил дождь. Узкая кровать, застеленная так аккуратно, словно её никто никогда не касался. Голые стены. Ни фотографий, ни книг, ни забытой чашки на столе.

У самой двери стояла дорожная сумка. Закрытая, собранная.

— А где он? — спросила я.

— Кто?

— Твой друг. Ты же приехал к нему.

Артур замер всего на миг, но я заметила.

— В отъезде. Оставил ключи. — Он снял с меня мокрый плащ. — Мы разминулись. Бывает.

Приехал навестить друга. А друга нет дома. Мысль мелькнула и тут же утонула в тепле его рук. Я позволила ей утонуть.

— Здесь как-то... пусто, — осторожно сказала я.

— Здесь многие когда-то жили. — Он провёл ладонью по подоконнику. — Недолго.

В этот момент свет моргнул и погас. В квартире стало темно, только серая дымка дождя мерцала в окне.

— Ой, — выдохнула я.

— Не бойся. — Он что-то нашёл в ящике, чиркнула спичка. Дрожащий огонёк вспыхнул, потом второй, третий, и комната превратилась в маленькую золотую пещеру. На полке нашёлся старый приёмник. Артур покрутил колёсико, сквозь треск прорвался тягучий джаз.

— Потанцуешь со мной? — спросил он.

— Здесь? Сейчас?

— Нигде больше я не хочу.

Я положила ладони ему на плечи. Его руки легли мне на талию, и мы закачались в такт чужой, далёкой музыке. Свечи отражались в его светлых глазах, дождь стучал по крыше, а я думала: *вот так выглядит счастье. Оно пахнет мокрой шерстью, воском и им.*

— Эмилия, — сказал он, прижавшись лбом к моему лбу. — Скажи мне остановиться, если нужно.

— Не хочу, чтобы ты останавливался.

— Ты уверена?

— Я никогда ни в чём не была так уверена.

Дальше слова стали не нужны.

Он поцеловал меня так, как целуют после долгой разлуки, хотя мы расставались всего на несколько часов. Сначала осторожно, словно спрашивал разрешения, потом глубже, жаднее, и у меня подогнулись колени, а музыка из старого приёмника ушла куда-то далеко, на дно воды.

Я цеплялась за его рубашку. Она была ещё влажной от дождя, и под мокрой тканью жил жар его тела, быстрый, живой стук сердца, которого хватило бы на двоих. Мои пальцы нашли пуговицы, и я вдруг поняла, что они не слушаются: дрожали так, будто это я, а не он, держала в руках что-то слишком хрупкое.

— Позволь, — хрипло сказал он и накрыл мои руки своими.

Он расстёгивал их медленно, одну за другой, не отрывая взгляда от моего лица. Я стояла, не дыша. В свете свечей его глаза казались тёмными, почти чёрными, и в них не было ни насмешки, ни самоуверенности, только внимание такой силы, что оно обжигало сильнее любых прикосновений.

Рубашка упала на пол. Я прижалась губами к его запястью, туда, где под кожей билась тонкая жилка, потом к плечу, к шее, к ямке под ключицей. Он вздрогнул и выдохнул моё имя так, как выдыхают молитву.

— Эмилия.

— Да.

— Скажи, что ты тоже этого хочешь.

— Хочу, — прошептала я. — Я хочу тебя так, что... — и не договорила, потому что он снова целовал меня, и слова рассыпались, как бусины с порванной нитки.

Мой плащ давно лежал на стуле у двери. Влажная блузка холодила кожу, пока его ладони не прошли по моей спине, и от этих ладоней всё внутри вспыхнуло. Я никогда не знала, что тело умеет так отзываться: каждой клеткой, каждым нервом, на самое тихое, почти невесомое касание. Он снимал с меня одежду бережно, как разворачивают что-то бесценное, и между поцелуями шептал: «Красивая. Господи, какая красивая». Я смеялась и прятала лицо у него на груди, а потом смеяться уже не могла.

Кровать была узкой, и это оказалось лучше всего на свете. Нам некуда было деваться друг от друга. Его тело, горячее, тяжёлое, надёжное, накрыло меня как тёплая волна, и мир сузился до простыни, до скошенного потолка, до огоньков свечей, которые дрожали в такт нашему дыханию. Дождь стучал по стеклу, и мне казалось, что он стучит у меня внутри.

Он любил меня медленно. Невыносимо, мучительно медленно, словно хотел запомнить каждый изгиб, каждую впадинку, каждый вздох. Его губы шли по моей шее, по плечу, по линии рёбер, и я выгибалась навстречу, вцепившись пальцами в его волосы, не в силах произнести ничего, кроме его имени. Когда он наконец поднял голову и посмотрел мне в глаза, я увидела в них всё сразу: нежность, страх, голод, благодарность.

— Не отводи взгляд, — прошептал он. — Пожалуйста. Я хочу видеть тебя.

Я не отвела.

Мы двигались вместе, сначала неспешно, потом всё быстрее, всё отчаяннее, и мой голос, мой собственный голос, которого я не узнавала, срывался на его имя. Он держал меня так крепко, словно боялся, что я исчезну, но в этой крепости не было ни капли жестокости, одна только отчаянная, неутолимая нежность. Всё сжалось в одну светящуюся точку, и на секунду мир остановился, замер на самом краю.

А потом разлетелся на тысячи огней.

Я кричала, кажется. Или смеялась. Или плакала. Не помню. Помню только, что он прижался лбом к моему лбу, дрожа всем телом, и выдохнул мне в губы что-то по-русски, простое и самое нужное на свете.

Потом мы лежали, сплетённые, мокрые, оглушённые. Дождь стихал. Свечи догорали, и воск стекал по краю блюдца медленной золотой слезой. Его пальцы чертили на моей спине бесконечные, неторопливые узоры, и я боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть то огромное, невозможное чувство, которое поселилось у меня в груди.

— О чём ты думаешь? — спросил он.

— О том, что хочу всё запомнить.

— Всё?

— Каждую мелочь. Запах воска. Как скрипит эта кровать. Как ты дышишь, когда думаешь, что я сплю. — Я прижалась щекой к его плечу. — У меня хорошая память. Она ничего не теряет.

Он поцеловал меня в макушку.

— Тогда запомни ещё одно, — сказал он. — Что бы ни случилось дальше, это не было ошибкой.

Я не ответила. Только кивнула и закрыла глаза. И впервые за долгое время в моей голове не было ни одной тревожной мысли. Вообще никаких. Только он.

* * *

Я проснулась среди ночи. Постель рядом была пустой и холодной.

— Артур?

Он стоял у мансардного окна, в темноте, босой, в одной рубашке, и смотрел вниз на улицу. Не на дождь, который уже стих, а прямо вниз, на что-то конкретное.

— Не включай свет, — сказал он негромко.

Я встала, накинула плед и подошла. Мокрая мостовая блестела под одиноким фонарём. Под фонарём, неподвижно, как памятник, стоял человек в сером пальто. Лица я не разглядела: его закрывали поля шляпы. Но он стоял, задрав голову, и смотрел прямо на наше окно.

У меня по коже побежали мурашки.

— Это он? Тот, что был у отеля?

— Не знаю.

— Артур, ты знаешь, кто он.

— Нет. — Он сказал это слишком быстро и слишком ровно. Его пальцы белели на оконной раме. — Он стоит там уже час.

— Час?! — Я вцепилась в его руку. — Если тебе кто-то угрожает, давай вызовем полицию, давай...

— Никто мне не угрожает.

— Тогда почему ты весь дрожишь?

Он не ответил. На подоконнике вспыхнул экран его телефона, коротко, на секунду, и я успела прочитать несколько слов от абонента без имени:

«Ты обещал».

Артур перевернул телефон экраном вниз.

— Что ты обещал? — прошептала я.

Он долго молчал. Потом повернулся ко мне, и в слабом свете уличного фонаря его лицо показалось совсем чужим: усталым и очень старым, хотя ему не могло быть больше тридцати.

— Вернуться, — сказал он.

— Куда?

— Спи, Эмилия.

— Нет, подожди...

— Пожалуйста. — Он обнял меня, крепко, почти отчаянно, уткнувшись лицом в мои волосы. — Не сегодня. Побудь со мной сегодня. Я тебя прошу.

Что-то в его голосе заставило меня замолчать. Я обняла его в ответ и почувствовала, как под ладонями быстро и неровно бьётся его сердце.

Когда я рискнула выглянуть в окно ещё раз, под фонарём никого не было.

* * *

Утром пахло кофе. Он стоял у плиты, взъерошенный, улыбающийся, точно ночью не было ничего. Поцеловал меня в макушку, поставил передо мной чашку: без сахара, с каплей корицы.

— Хорошо спала?

— Отлично, — соврала я.

Он засмеялся, и я заставила себя улыбнуться в ответ. Но пока он отвернулся к окну, я достала из сумки телефон, открыла заметки и дописала под вчерашним списком:

6. Друга нет дома. Квартира пустая, сумка собрана.

7. Ночью человек в сером пальто под окном. Артур его знает.

8. «Ты обещал». Вернуться. Куда?

Я смотрела на эти строчки и понимала страшную вещь. Я боялась не того, что он что-то скрывает. Я боялась, что узнаю всё, и это ничего не изменит. Что я всё равно останусь с ним.

ГЛАВА 10

Номер не существует

Последний вечер в Париже мы почти не говорили. Мы просто шли по набережной, держась за руки, и каждый шаг отдавался внутри тихой болью: так бывает, когда считаешь минуты, а они не слушаются.

Кожа всё ещё помнила его. Стоило закрыть глаза, и я снова чувствовала тяжесть его ладони на спине, горячее дыхание у виска, дрожь свечей на скошенном потолке. Мне казалось, что от меня пахнет той мансардой: воском, дождём, им. И что каждый встречный должен это чувствовать.

У дверей отеля он остановился.

— Такси завтра в одиннадцать, — сказала я. — Ты приедешь проводить?

— Приеду.

— Обещаешь?

Он долго смотрел на меня. Потом взял мои ладони в свои и сказал так тихо, что я скорее угадала слова, чем услышала:

— Эмилия, если я пропаду… на время… не ищи меня. Пожалуйста.

Меня будто обдало холодной водой.

— Что значит «пропаду»? Ты же сказал, что...

— Просто пообещай.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я не умею обещать то, чего не смогу сдержать. — Голос предательски дрогнул. — Ты просишь невозможного.

— Знаю. — Он прижался губами к моему лбу. — Поэтому и прошу.

Я хотела спросить, что это значит. Хотела закричать, схватить его за воротник и потребовать правды. Но он уже отпустил мои руки, шагнул назад, и я осталась стоять на пороге с невыносимым чувством, что прощаюсь не до завтра.

* * *

Он не приехал.

Я ждала в аэропорту до последней минуты. Сидела на чемодане у стойки регистрации, вздрагивала от каждого высокого силуэта, перечитывала сообщения и набирала его номер. Раз, другой, десятый.

За сорок минут до вылета телефон ожил.

«Прости. Так нужно. Помни, это было правдой».

Я набрала его номер. В трубке прозвучал ровный механический голос: *«Набранный номер не существует».*

Не «абонент недоступен». Не существует.

Я смотрела на экран, и мир вокруг расплывался. Какая-то пожилая женщина рядом протянула мне бумажный платок и ничего не сказала. Я кивнула ей, вытерла лицо и пошла на посадку, потому что идти больше было некуда.

ГЛАВА 11

Дом, где никого нет

Такси остановилось у подъезда глубокой ночью. Я расплатилась, вышла и минуту стояла на пустом тротуаре с чемоданом в руке, глядя вверх на окно третьего этажа, где горел слабый свет.

Мама не спала. Она никогда не ложилась, пока я не звонила с дороги, а я не позвонила.

Я поднялась по крутой лестнице, той самой, и дверь распахнулась раньше, чем я достала ключ. На пороге стояла мама, в халате, растрёпанная, с красными глазами. И с кастрюлей супа.

— Ты же сказала, что прилетишь утром, — сказала она, не здороваясь. — Я варила, чтоб тёплый был.

— Мам.

— Ешь.

Я не стала спорить. Села за кухонный стол, взяла ложку и вдруг поняла, что не ела почти двое суток. Суп был горячий, густой, с укропом. На подоконнике, в тёплом пятне света, стояла фиалка: маленькая, с бархатными листьями и одним-единственным фиолетовым цветком.

— Она всё цветёт, — сказала мама, садясь напротив. — С тех пор как ты уехала. Странно, да?

Я согласилась. Горло сжалось.

— Ты похудела.

— Я просто устала.

— Ты не устала. — Она накрыла мою ладонь своей, сухой, шершавой. — Но не рассказывай, если не хочешь. Я подожду.

Я всегда ждала, подумала я. *А она всегда ждала раньше.*

* * *

Утром у Веры на плите уже кипел чайник. Она стояла босиком посреди кухни, с растрёпанной головой, в мужской клетчатой рубашке, и воинственно размахивала деревянной ложкой.

— Рассказывай, — приказала она.

— Что рассказывать?

— Всё. Париж. Вернисаж. Того парня.

— Какого парня?

— Эмилия, — Вера посмотрела на меня с нежностью опытного следователя. — Ты вернулась после недели в Париже и смотришь в окно так, словно там твоя собственная душа. Рассказывай.

Я рассказывала час. Про ресторан, про аварию, про вернисаж, про мост, про Монмартр. Про мансарду и серое пальто умолчала: не потому что не доверяла. Просто эти слова не хотели выходить из груди.

Вера слушала, поджав ноги на табуретке, и ни разу не перебила. Когда я замолчала, она долго смотрела на меня, а потом сказала:

— Он женат.

— Вера!

— Ну или аферист. Или шпион. Или вор. — Она подняла руку, останавливая протест. — Я не говорю, что он плохой. Я говорю, что красивый мужчина, который появляется ниоткуда, исчезает в никуда и не оставляет ни фамилии, ни фото, обычно кем-то из этих четырёх и оказывается.

— Он не вор.

— Откуда ты знаешь?

Я промолчала.

— Покажи мне что-нибудь, — сказала Вера. — Фото. Хоть что-то.

Я достала новый телефон, открыла галерею. Там было совсем немного снимков: Париж, мост, огни Эйфелевой башни. И то фото с Монмартра, где я смеюсь, а рядом виден только край его рукава.

Вера взяла телефон, приблизила изображение двумя пальцами, и лицо её изменилось.

— Смотри, — сказала она.

— Что?

— Манжет. Видишь петли? — Она ткнула ногтем в экран. — Они не машинные. Это ручная работа, потайной шов. Бабушка меня такому учила. Такие вещи не продают в магазинах.

— То есть?

— То есть либо ему шьют на заказ, либо он очень богат. — Вера подняла на меня серьёзные глаза. — Либо он эту рубашку украл, но тогда у вора хороший вкус.

Я засмеялась впервые за много дней. Но смех быстро оборвался. Я смотрела на снимок, на аккуратный, едва заметный шов у запястья, и думала: *ещё одна деталь. Ещё одна ниточка в клубке, которого я не вижу.*

Я запомнила её. Не записала. Запомнила: тонкий шов, серебристая нить, три рядом расположенные петли.

Позже мне это пригодится.

Вечером Вера принесла кекс и торжественно поставила его на стол.

— Траур должен быть сладким, — объявила она.

Мы ели кекс прямо из формы, ложками, и молчали. Потом Вера, облизывая ложку, вдруг сказала, не поднимая головы:

— Знаешь, что самое страшное? Не то, что он пропал. А то, что ты, кажется, готова ждать вечно.

— Не вечно.

— Сколько?

Я не знала. Когда Вера ушла спать, я ещё долго сидела на кухне, смотрела, как на тарелке подсыхают крошки, и думала о том, что у любого ожидания есть цена, а я пока не понимала, сколько готова заплатить.

* * *

Первые дни я старалась жить как раньше.

Просыпалась. Пила чай. Ходила на съёмки, возвращалась домой, и в этом круговороте было какое-то тупое облегчение: когда делаешь одно и то же, не остаётся места для мыслей.

На третий день Алина отправила меня на съёмку каталога. Обычная работа, обычная студия, режиссёр, который называл меня «солнышко» и не помнил моего имени. Я вышла перед камерой, сделала всё, что делаю всегда, и вдруг услышала:

— Стоп. — Фотограф опустил камеру и нахмурился. — Что-то не так.

— Я что-то не то сделала?

— Нет. Всё то. Просто... — Он покрутил рукой в воздухе. — Раньше ты улыбалась так, словно тебя никто не видит. А теперь так, словно тебя кто-то ждёт за дверью.

Я промолчала. Он был прав. Я смотрела в объектив, а видела тёмный коридор и дверь, за которой никого не было.

Но ночью они возвращались.

Возвращалось и другое. Не мысли, а ощущения: тяжесть его ладони на моей спине, горячее дыхание у виска, шёпот, в котором не было ни одного слова, только моё имя. Я зарывалась лицом в подушку и ругала свою память за то, что она не умеет выбирать, что забывать.

Каждый вечер, когда Вера засыпала, я брала телефон и набирала его номер. Каждый раз тот же ровный голос: *«Набранный номер не существует».* Я слушала его до конца, а потом клала телефон на тумбочку экраном вниз. Так делают люди, которым стыдно сознаться в какой-то слабости.

На четвёртую ночь я не выдержала и позвонила в аэропорт. Мне зачем-то казалось, что кто-то из сотрудников мог видеть высокого мужчину с тёмными волосами. Меня вежливо перевели на справочную, потом на охрану, потом на какой-то автоответчик. Я положила трубку и долго сидела на кровати, обхватив колени.

Мне нужно что-то, за что можно уцепиться, думала я. *Что угодно.*

Но не было ничего.

На пятый день я вернулась с работы раньше обычного. Вера на кухне собирала сумку для ателье. Я прошла в комнату, открыла шкаф, чтобы повесить плащ, и остановилась.

Коробка на верхней полке, где лежали мои старые бумаги, стояла не так, как всегда. Чуть развёрнута. Я помнила это совершенно точно: уголок смотрел в сторону двери. А сейчас смотрел внутрь.

Я постояла. Потом осторожно сняла коробку, открыла. Всё было на месте: школьные тетради, мамины письма, фотографии, билеты. Ничего не пропало. Но ощущение чужих рук не уходило.

— Вера, — позвала я как можно спокойнее. — Ты не трогала мою коробку?

— Какую?

— С бумагами.

— Нет. — Она выглянула из кухни. — А что?

— Ничего. Показалось.

Я поставила коробку на место, повернув уголок так, как он стоял раньше. Потом села на край кровати и долго не двигалась.

Мама не заходила без звонка. Вера не лезла в чужие вещи. Больше никто не имел ключей.

Я не стала ничего рассказывать. Ни Вере, ни маме. Сказала себе: *нервы. Усталость. Ты просто вернулась и всё вокруг кажется чужим.*

Но в ту ночь я долго лежала без сна и слушала, как за стеной ровно дышит Вера, как гудит холодильник, как в подъезде кто-то поднимается по лестнице и останавливается между этажами.

Я лежала и считала шаги.

Они не пошли дальше.

ГЛАВА 12

Письмо с одной буквой

Потом дни пошли один за другим. Дома всё было как раньше, и от этого становилось только хуже. Те же стены, та же кухня, мама, звонящая каждый вечер: *«Ты как, доченька?»* Я отвечала, что хорошо. Агентство предлагало новые съёмки, я соглашалась. Улыбалась камере, возвращалась домой и ложилась на пол в прихожей, прямо в пальто, и смотрела в потолок.

Через две недели я перестала плакать. Ещё через неделю я достала телефон и открыла заметки.

Восемь пунктов. Я читала их до тех пор, пока строчки не превратились в узор.

Он просил не искать, думала я. *Значит, есть что искать.*

Я села за стол, включила ноутбук и набрала в поисковике: *Lenoir*.

Миллионы результатов. Врачи, адвокаты, рестораны, футболисты, цветочные магазины. Я добавила: *Lenoir Paris Marais*. Ещё миллионы. Я добавила: *Lenoir двор калитка платан*. Поисковик вежливо предложил исправить опечатку.

Три вечера я просидела над картами. Открывала улицы Маре одну за другой, вглядывалась в чужие подворотни, искала чёрную кованую калитку, платан, фонарь. Нашла двадцать три похожих двора. Ни один не был тем самым.

Ты не детектив, Эмилия, сказала я себе. *Ты девочка с йогуртом.*

И тут меня осенило. Не «Ленуар». Не Артур.

Приглашение.

Мне так и не объяснили, почему организаторы выбрали именно меня. В суете я не спросила. Теперь я нашла в почте то самое письмо и нашла там контакт помощницы организатора, некой Камиль.

Я позвонила в девять утра по парижскому времени. Слушала гудки и чувствовала, как колотится сердце.

— Allô?

— Здравствуйте, это Эмилия Ветрова. Я была на вашем вернисаже в октябре. Простите за странный вопрос... — Я говорила на ломаном английском, подбирая слова. — Мне нужно узнать, кто именно просил пригласить меня.

На том конце повисла пауза.

— Мадемуазель Ветрова. Это конфиденциальная информация.

— Пожалуйста. Это очень важно. Для меня это вопрос... — Я замялась, но договорила. — Жизни.

Камиль вздохнула.

— Подождите минуту.

Шелест бумаг. Щёлканье клавиш. Потом голос:

— Приглашение пришло от юридической конторы. От имени частного мецената. Подписано одной буквой: *«L.»*. Мы никогда с ним не встречались, всё через представителей. Он просил, чтобы лицом вечера была именно вы, и оплатил весь вернисаж.

У меня онемели пальцы.

— Когда? Когда пришло письмо?

— Одну секунду... — Снова клавиши. — Четырнадцатого сентября.

Я медленно опустила телефон, потом подняла снова.

— Вы уверены?

— Да, мадемуазель. Письмо датировано четырнадцатым.

Я поблагодарила её, не помня слов, и положила трубку.

Четырнадцатого сентября меня выписали из больницы. Мама приехала за мной, мы вместе сели в такси, и я всю дорогу молчала, глядя в окно. Это число я помнила так же ясно, как собственное имя.

В тот день, когда я вышла из больницы, незнакомец с буквой «L.» уже знал, что я существую. Что меня надо найти. Что меня надо привезти в Париж.

Я схватила телефон, открыла заметки и дрожащими пальцами дописала:

9. Приглашение прислал «L.». Тот же Ленуар?

10. Письмо пришло в день, когда меня выписали из больницы.

11. Он знал про аварию раньше, чем я рассказала.

Я перечитала последний пункт и почувствовала, как холод поднимается от пальцев к плечам.

«Я так и подумал, что произошло что-то подобное».

Он не подумал. Он знал.

Я сидела неподвижно очень долго. За окном темнело, соседи включали свет, где-то залаяла собака. Обычная жизнь шла мимо, а у меня на экране лежали одиннадцать строчек, которые меняли всё.

Потом я открыла сайт авиакомпании.

Ты просил не искать меня, подумала я, нажимая «Купить билет». *Прости, Артур. Я не умею обещать то, чего не смогу сдержать.*

ГЛАВА 13

Закрытый двор

Париж встретил меня тем же дождём, что и в прошлый раз, словно никуда и не уходил. Я бросила чемодан в гостинице, не распаковывая, и поехала в Маре. Одна, без Артура, без плана, с одиннадцатью строчками в заметках.

Дорогу я вспоминала по кусочкам, как собирают пазл с потерянными деталями. Выход из метро. Пекарня с жёлтым навесом. Зелёный крест аптеки. Потом арка, двор, лестница. В тот вечер я бежала под ливнем, смеялась и ничего не запоминала. Теперь каждый поворот давался с боем.

Час я ходила кругами. Нашла пекарню. Нашла аптеку. Нашла арку.

А за аркой всё было перекрыто.

Высокий строительный забор из серых щитов, сверху натянута сетка. На воротах тяжёлый замок и жёлтые таблички: *«Danger. Défense d'entrer»*. У будки скучал охранник в оранжевом жилете. А над забором торчал тот самый дом. Те же старые стены, та же крыша. Только окна были забиты фанерой, а в мансардном стекле, где месяц назад дрожали наши свечи, висела выцветшая плёнка.

Я остановилась, и ноги стали ватными.

— Простите, — сказала я охраннику, подбирая слова на смеси английского и жестов. — Мне нужно пройти. Я здесь была. Месяц назад.

Он посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Невозможно, мадам. Здесь никого нет. Дом закрыт с весны, реконструкция. Внутри даже электричества нет.

— Нет электричества?

— Отключили в апреле. Никто не входил.

Я вспомнила, как в тот вечер вдруг погас свет. Как Артур нашёл спички в ящике, точно знал, где они лежат. *Не бойся.* Тогда это казалось волшебством. Теперь я понимала: света там просто не было. Совсем.

— Но я была наверху! Там мансарда, узкая лестница, скошенный потолок...

— Мадам. — Охранник вздохнул и развёл руками. — Я сторожу этот дом полгода. Пожалуйста, не мешайте.

Я не стала спорить. Отошла в сторону и прислонилась к стене, пытаясь отдышаться.

Мы танцевали в пустом доме, подумала я. *Он привёл меня в пустой дом.*

Кто-то тронул меня за локоть. Пожилая женщина в белом фартуке, с мукой на руках. Из пекарни напротив.

— Вы та девушка, — сказала она по-французски, а потом, увидев моё лицо, медленно повторила по-английски: — Вы та самая. Я вас видела.

— Меня?

— В октябре. Вечером, под дождём. Вы бежали с высоким господином, он держал вас за руку. Вы смеялись. — Она улыбнулась, и морщинки у глаз стали глубже. — Я подумала: как красиво.

У меня защипало в глазах.

— Вы его знаете? Он часто сюда приходил?

— Нет. — Она покачала головой. — Я видела его несколько раз за прошлый год. Поздно ночью, всегда один. Входил с ключом, будто у себя дома. Потом пропадал на месяцы. Вежливый, всегда здоровался, но имени я не знаю.

— Чей это дом?

— Вон там написано, — она кивнула на забор. — Всё, что положено по закону. Читайте.

Я подошла ближе. Среди предупреждений и схем висел белый лист с печатями: разрешение на ремонт, номер, название компании-владельца. И внизу, мелким шрифтом, адрес: *Cabinet Duval & Associés*, бульвар Османа, юридическое представительство собственника.

Я сфотографировала лист. Дважды, чтобы не промахнуться.

Потом позвонила Камиль, и она, помолчав, подтвердила шёпотом:

— Да. Это та самая контора, которая присылала письмо.

Две ниточки сошлись в одну. Я стояла под дождём перед забором, за которым скрывалась пустота, и чувствовала, как внутри что-то поднимается: не страх, не отчаяние. Упрямство.

Он просил не искать, подумала я. *Но он же сам привёл меня сюда.*

* * *

Контора находилась в строгом здании с высокими окнами. Стеклянная дверь, мраморный пол, тишина, как в музее. За стойкой сидела молодая женщина с идеальной причёской и вежливой, холодной улыбкой.

— Добрый день, мадемуазель. Чем могу помочь?

— Мне нужно поговорить с мэтром Дювалем. Или с человеком, который ему платит. — Я говорила медленно, на своём ломаном английском, но уверенно. — Меня зовут Эмилия Ветрова. Ваша контора пригласила меня на вернисаж от имени мецената, подписавшегося буквой «L.». Я хочу знать, кто он.

Улыбка не дрогнула.

— К сожалению, мы не раскрываем информацию о клиентах.

— Он настоял, чтобы привезли именно меня. Заплатил за целый вечер ради этого. Разве я не имею права знать зачем?

— Мэтр Дюваль сейчас занят. Если вы запишетесь на...

— Мне не нужна запись. Мне нужен ответ.

— Мадемуазель, я повторяю: господин Ленуар не принимает посетителей лично, все вопросы решаются через...

Она осеклась.

В холле стало очень тихо. Где-то далеко звонил телефон. Я смотрела на неё, не двигаясь.

— Ленуар, — повторила я медленно.

— Я ничего не говорила, — быстро сказала она, и улыбка наконец исчезла. — Вы ослышались.

— Нет. — Сердце колотилось так, что я боялась, она услышит. — Тогда передайте ему кое-что. Передайте. Скажите: Эмилия Ветрова ищет Артура.

Ручка выпала из её пальцев и со звоном покатилась по столу.

— Простите, — произнесла она слишком ровно. — Я не знаю такого человека.

— Конечно, не знаете.

Я достала визитку агентства, написала на обороте номер своего нового телефона и положила на стойку.

— Если вдруг вспомните.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.